

ДОДОТХ
СТХАТЕХА

Марк Кеусен

18+

Марк Кейсен

Дорога старателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42393058

SelfPub; 2019

Аннотация

Произведение, основанное на реальных трипах находящегося в депрессии человека, который пытается переосмыслить события, произошедшие с ним как за последние несколько лет, так и за всю жизнь, и понять, что именно привело его к настоящему душевному состоянию. В оформлении обложки использована иллюстрация автора произведения.

Глаза. Хотя они и кажутся спокойными, на первый взгляд, гнев и ярость, разгораясь всё ярче, беснуются в них, утопляя горечь в глубине. Эти огни сплетаются в безумное, нервное веселье, которое не сулит и не может сулить ничего доброго, блеском отражаются в зрачках. Оно проносится над бешеным потоком чувств, застилая суть этих глаз, предвещая бурю и скорое их угасание. Глаза, смотрящие на меня, наполнены ненавистью, залиты кровью. Злые, животные глаза. Совсем не похожие на человеческие. Скорее это глаза разъяренного вепря, готового напасть в следующее мгновение. Глаза, в которых сложно заметить что-то, кроме ненависти, гнева, ярости, злости. Я вижу в этих глазах тревогу, горечь. Вижу вихрь эмоций и чувств. Глаза, которые не могут мне не поддаться, не могут утаить от меня истинного взгляда. Откуда в них столько горечи. Что такого могли видеть эти глаза, что бы она заполнила их. Воспоминания, что разрывают плоть на куски, страхи, что не дают утешиться – всё это смотрит на меня. Глаза, поглощающие меня всего, не замечающие никого вокруг, они засасывают мой разум. Родные мне глаза. Я смог бы узнать их везде. Узнал бы среди любых других. Они стали ужасно близки мне.

Не знаю, сколько времени я уже блуждаю здесь. Может несколько лет, а может и пару десятилетий. Не знаю, когда попал сюда, как и почему смог попасть сюда. Хотел бы я и вовсе не знать об этом месте. Он зовёт меня. Его стон,

ужасный, пропитанный болью стон, изрывающий его внутри. Он заставляет моё сердце дрожать, выжигает раскалённым клеймом грудную клетку, сквозь кости всё глубже. Стон не прерывается. Я нужен ему. Только я смогу его найти. Смогу помочь ему. Он не скрывает от меня своей боли. Он делится ей со мной. Я чувствую её. Знаю, как он страдает. Знаю, как сильно хочет, чтобы я его нашёл. Он больше не может терпеть. Он уже терпеть не может. Ему просто не хватает сил. Нет сил терпеть такую боль.

—

Я открыл глаза. Кто-то заставил мои глаза открыться. Это точно был не я. Я бы не хотел их открывать. Ни за что не хотел бы их открывать. Кто-то приказал им это сделать. Воняет. Воняет гнилью, разлагающейся плотью и серой. Я не сдерживаю рвотный позыв. Повернувшись набок и опрокинув голову на плечо, я блюю. Я знаю, почему я здесь, знаю, почему лежу в этой грязной луже. Он позвал меня сюда. Я пришёл за ним. Пришёл, потому что у меня нет другого выбора. Нет иного пути, кроме как идти ему на помощь. Он не оставляет меня в покое. Ни на минуту. Я постоянно слышу его. Туман. Не тот, что укутывает долины поутру. Туман ядовитый и всепоглощающий. Удушливый туман. Словно токсичное облако обволакивает это место. Я с усилием поднимаюсь на колени. Поднимаюсь, хотя рвота ещё не отступи-

ла. Я продолжаю извергать тёмную желчь. Я встаю. Рвота не прекращается, я не борюсь с ней. Я должен идти.

Каждый шаг даётся с трудом. Это место давит на меня. Я должен прикладывать зверские усилия, чтобы идти по этой земле. Пустая, мокрая земля, грязь, туман, сквозь который можно увидеть лишь очертания огромных скал и редких выжженных деревьев. Меня прижимает к земле огромным давлением. Стопы утопают в грязи. И этот болотного цвета туман. Он отравляет не только воздух, отравляет рассудок. Я чувствую, как он влияет на меня. Он, словно тощий старик, грязными ногтями давит мне на виски. Рассудок не трезв. Лихорадит. Я не сопротивляюсь. Знаю, что сопротивляться бесполезно. Я не сильнее этого места. Не могу позволить себе тратить силы на борьбу с туманом. Они нужны мне, чтобы стоять на ногах. Я иду. Иду, потому что слышу его истошный крик. Я не вернусь обратно. Не покину этого места, как бы ни было трудно. Я не боюсь этого места. По крайней мере, я убеждаю себя в этом. Я найду его. Найду, даже если мне придётся здесь погибнуть. Я не боюсь. Не боюсь заблудиться здесь. Не боюсь, хотя бы потому, что знаю, должен заблудиться, чтобы найти его. Он давно уже стал для меня дороже чего угодно. Я не оставлю его здесь. Не дам ему потеряться навсегда.

Я иду уже очень долго. Не знаю, сколько времени про-

шло. Не знаю, существует ли в этом месте время. Определить его точно нельзя. Нет, это даже не из-за густого тумана, мешающего взглянуть наверх, увидеть небо. Ночь здесь не сменяется днём. Небо постоянно тёмно-серое. За тьмой не приходит рассвет. Кажется, так было не всегда. Кажется, когда-то в этом месте всё дышало жизнью, трава ласкала ноги, ветер приятно посвистывал в ушах, шелест листьев не давал остаться в тишине, обилие звуков сливалось в умиротворяющую мелодию. И яркий свет... Постоянный яркий свет. Иногда слепящий. Редко – ослепляющий. Свет сочился, даже когда небо затягивали тучи. Свет не покидал это место. Радость не покидала того, кто пребывал здесь тогда. Кажется. Но не теперь. Даже воспоминания о том свете, что наполнял это место, даются с трудом. Я должен беречь силы. Должен забыть об этом, пока я здесь, дать этому месту себя поглотить. Я не могу позволить себе окунаться в иллюзии и предаваться сладким воспоминаниям. Они делают путь труднее. Уносят мой разум куда-то далеко от этого места. Фантазии заставляют отдалиться от него. Уйти в забвение. Заглушают его голос на время, но я хочу слышать его. Сейчас хочу слышать его крик отчётливо. Сейчас мне нужно его найти. Именно поэтому я здесь. Я не могу позволить себе забыть об этом.

Костёр. Яркий костёр недалеко от меня, на скале. Он пробивается даже сквозь едкий туман. Кто мог зажечь здесь костёр? Неужели это он? Неужели я нашёл его. Неужели я нашёл его так быстро, стоило лишь забыть обо всём и позволить этому месту себя полностью поглотить. Надо идти быстрее. Возможно, он ещё там. Ждёт, что я найду его. Я должен поторопиться. Каждый шаг даётся всё тяжелее, с каждым шагом ноги становятся всё непослушнее. Они заплетаются, будто кто-то накинул на них верёвку. Тот, кто не хочет, чтобы мы с ним встретились. Тот, кто не хочет отпускать его из этого места. Меня сильнее охватывает страх и тревога. Я боюсь, что не успею. Мои движения становятся всё более нервным. Меня дёргает из стороны в сторону. Дрожь бежит по телу, и произвольные сокращения мышц не позволяют держаться твёрдо на ногах. Вдруг он уйдёт, не дождавшись. Я спотыкаюсь. Колени дрожат, словно по ним молотками отбивают неточный ритм. Мой пульс участился настолько, что дыхание сбивается при каждом редком шаге. Меня всего трясёт. Кажется, я не дойду до костра. Силы уже на исходе. Я должен бежать к нему. Должен бежать, но могу только ползти. Надеюсь, он ждёт меня у костра. Надеюсь, это он. Пусть это будет он.

Никого. Здесь никого нет. Я еле добрался до скалы. Даже не знаю, как смог на неё залезть. Она совсем не высокая. На какое-то время мой мозг словно отключился. Видимо я по-

терял столько сил, что и забыл, как лез на неё. Пришёл в себя только здесь, у костра. Пламя уже не такое яркое, каким казалось в тумане. Я падаю от бессилия. Лежу. Лежу, словно мертвый. Лишь глаза мечутся из стороны в сторону. Я слишком устал. Загнан этим местом, этим туманом. Глаза устали, больше не видят отчётливо, все передо мной расплывается. Кажется, я сейчас усну. Кажется, мои глаза сейчас закроются. Я стараюсь сдерживать веки. Не даю глазам закрыться.

Огромная фигура стоит передо мной. Он невероятно огромен. Я боюсь поднять глаза. Боюсь взглянуть на него. Я знаю, кто он. Он видит меня. Даже в этом месте он меня видит. Смотрит пристально. Я испытываю великий трепет перед ним. Исполин словно знает всё. Я чувствую, что он всё знает. Знает где я, знает почему я здесь, знает, кого я ищу. Знает то, о чём сам я только догадываюсь. Он не хочет мне этого говорить. Не хочет обличать меня. Наверное, потому что знает – я сам хотел бы оставить это в тайне. Хотел бы хоть ненадолго обмануть себя. Я не спрошу у него. Не спрошу, потому что боюсь. Боюсь получить ответ, который мне не понравится. Я должен всё узнать сам. Я не поверю, пока сам не узнаю. Не захочу верить. Он знает то, о чем я никогда ему не рассказывал. Не рассказывал никому. Он знает, что я чувствую. Умеет это определить. Может описать это словами. Я не могу. Но сейчас он молчит. Молчит и чего-то ждёт от меня. Откуда он всё это знает? Почему так

отчётливо видит меня, даже когда я нахожусь в этом месте? Так отчётливо видит меня в тумане. Словно он это и есть я. Он говорит, что я – это он. Это не так. Я хочу поднять на него глаза. Хочу взглянуть на него. Стою, не шевелясь, всё во мне трепещет. Грудь сжимает странное чувство его превосходства надо мной, его знания обо мне. Я для него открыт. Я чувствую его великое влияние. Стою, склонив голову, стараюсь изо всех сил не поднимать глаза. Не хочу увидеть его осуждающий взгляд. Взгляд, который, возможно, заставит вернуться обратно. Не могу посмотреть на него, как бы мне ни хотелось. Не могу поднять голову. Что-то мешает мне. Кажется, мешает его мощь.

—

Мои глаза открылись. Открылись резко. Настолько резко, что я не понял, спал ли я или только на мгновение их закрыл. Кто-то снова заставил их открыться. Снова сделал это. Может я и вовсе их не закрывал. Стон. Его стон полоснул по груди. Нужно идти. Кажется, есть силы идти. Идти дальше совсем не хочется. Это место не хочет, чтобы я был здесь. Укрывает его от меня. Заставляет думать о возвращении. Думать о том, что я никогда не найду его. Не хочется, но я иду. Не поверну обратно. Не вернусь. Теперь нет. Я уже уходил. Слишком часто разворачивался. Слишком часто оставлял его здесь. Оставлял одного в этом гиблом месте.

И даже теперь он не отвернулся от меня. Не перестал в меня верить. Знает, что мне хватит сил вернуться. Постоянно зовёт. Не перестаёт в меня верить. Не предаёт меня, сколько бы раз я ни предал его. Зовёт меня. Надеется на меня. Я единственная его надежда. Единственный, кто может его здесь найти. Я не остановлюсь. Я точно решил, что в этот раз не вернусь обратно.

Тишина. Только моё тяжёлое дыхание и хлюпанье ног в грязи. Я иду уже так долго, что не слышу даже их. Пытаюсь вслушаться в другие звуки. Хочу найти хоть что-то. Что-то живое. Нет даже ветра. Нет ничего. Стон. Конечно. Его стон не покидает. Боль мучает его и не даёт молчать. Он не хочет пропасть здесь. Его страдания не заканчиваются. Его разрывает на части. Прогнившее место. Что сделало это место таким? Я должен его найти. Он спасёт от гнили это место. Только он сможет это сделать. Я найду его, чего бы мне это не стоило. Мне больше ничего не надо. Я хочу, только, чтобы его не разрывали чувства, хочу, чтобы он перестал кричать, хочу, чтобы снова нашёлся. Я хочу снова посмотреть в его глаза, хочу посмотреть в них и найти среди всего радость. Когда-то, я помню это, кажется, точно, радость была и в этом месте. Неужели его глаза так влияют на это место, неужели они так связаны с этим местом. Почему же он так страдает? Он, из-за которого страдает это место. Его крик обещает, что радость вернётся, когда я найду его. Кажется,

обещает. Я не верю. Не в радости дело. Не в том, что стало с этим местом и каким оно было раньше. Я ищу его не из-за этого. Я ищу его потому, что он потерялся. Потому, что я должен его найти. Я не могу оставить его здесь пропадать. Я ищу не радость. Кому она нужна. Я ищу здесь его. Только он имеет значение. Он здесь совсем один. Радость нужна тому, кому есть с кем поделиться ей. Печалью делиться не нужно. Печаль и отчаяние не требуют, чтобы ими делились. Эти чувства остаются только с тобой одним. Так зачем нужна радость, если поделиться ей не с кем. Ему это хорошо известно. Он остался здесь совсем один. Он не ищет радости. Он просто хочет, чтобы я нашёл его.

—

Туман становится всё темнее. Всё непрогляднее. Я оставаясь. Не видя земли под ногами, пытаюсь оглядеться. Оборачиваюсь. Зелёные глаза. Невысокий, еле различимый силуэт. Глаза на мгновение приятные, но отталкивающие после. Глаза, которые меня не видят. Не могут меня видеть. Не мои глаза. Глаза, на мои совсем не похожие. Её крик оборвал тишину этого места. Крик гадкий и неискренний, скрипом отдающийся в ушах. "Остановись. Ты не должен продолжать." Эхо этой фразы не утихает. Я пытаюсь мыслями заглушить его в своей голове. Так не кричат, когда пытаются помочь. Это крик родителей, которые хотят научить своего

непослушного ребёнка тому, чего они и сами не понимают. Крик, выдающий лживую заботу. Он нужен только для того, чтобы оправдать своё безразличие, обмануть самого себя. По горлу бьёт клуб обжигающего ядовитого газа. Я себя не сдерживаю. Желчь выходит рвотой, подбивая мне колени. Почему-то она хочет, чтобы я остановился. Она даже не знает где я, не понимает почему я не останавливаюсь. Почему она кричит мне именно это? Наверное, я сам подумал об этом. Наверное, я сам попросил её меня остановить. Я снова испугался. На мгновение испугался. Испугался и попросил помочь. Захотел жалости к себе. Ошибочно и невольно, но, как оказалось, уместно. Её слова только прибавили решимости во мне сделать то, зачем я сюда пришёл, дали сил продолжать поиск. Её слова были отвратительно мерзкими и лживыми. Словно яд по горлу они текли по ушам в перепонки. Хотелось бы мне не слышать их никогда. Я сам виноват. Я зря сомневаюсь в нём. И всё равно она дорога мне, я бы пошёл за ней, так же, как и за тем, кто зовёт меня. Пошёл, если бы позвала. Пошёл, если бы ей нужна была моя помощь. Он больше ждать не может. Мне не нужна помощь, особенно такая. Теперь я это знаю, она не может меня понять. Даже если бы захотела, наверное, не смогла. Он просит моей помощи. Я обязан ему помочь. Его никто, кроме меня не найдёт. Её силуэт исчез так же внезапно, как появился, стоило мне лишь задуматься о нём и прогнать мысли о возвращении. Остались только её глаза. Глаза, которые я увидел

в первое мгновение. Глаза, в которых не было ни капли лжи.

—

Однажды я почувствовал, что потерял что-то очень важное. Забыл что-то, что было со мной всегда. Я не сразу понял, что именно я потерял. Только через время, услышав его тяжкий стон, я смог понять. Тогда я предал его и, возможно, не в первый раз. Тогда он ушёл. Оставил всех лишь для того, чтобы я мог его найти. Что бы я пришёл сюда за ним. Ушёл от всего, что так любил. Почему он это сделал? Как давно поселилась в его голове эта дурацкая идея? Разве я смогу заменить ему их? Что я могу ему дать? Неужели он сознательно пошёл на это? Неужели не нашлось ничего, что бы препятствовало этому? Зачем он это сделал? Зачем он ушёл сюда? Почему всех бросил? Я спрошу у него. Спрошу, как только найду его. Возможно, он не знал, куда идёт. Не знал, что этот путь приведёт его в это место. Запутался. Заплутал. Не смог вспомнить этого места. Не видел куда идёт и не понимал зачем. Когда очнулся, было уже поздно. Он забыл, забыл почти всё. Ему оставалось только кричать. Оставалось лишь звать на помощь. Но кто найдёт его в этом чужом для всех месте? В этой тьме его могу найти только я. Когда он это понял, он перестал видеть других. Перестал неистово кричать им, когда понял, что они его не слышат. Он стал звать только меня. Я слышал его всегда. Слышал и не хотел сюда идти. Он знал,

что я его слышу. Знал, поэтому не прекращал звать.

Идти уже не так сложно. Кажется, даже, почти легко. Нет, туман всё так же играет с моим рассудком, всё так же пытается его обмануть, пытается меня задушить. Тяжесть в ногах не пропала, все так же прибывает к земле мощное давление. Но идти мне уже легче. Немного легче. Ровно на столько, что бы казалось, что идти совсем легко. Не сравнимо с первым шагом, сделанным в этом месте. За все время, что я здесь, пейзаж почти не изменился. Да и как ему меняться в таком тумане.

Яркий утренний свет из окна. Свет, согревающий изнутри, успокаивающий бурлящие до того волны мыслей. Она лежит неподвижно. День был тяжёлым, а ночь не принесла никакого отдыха. Ночь была бессонной. Приятно бессонной. Не похожей на те ночи, что терзают уставшее тело и разум, не давая уснуть. Не посещали её этой ночью и мысли, которые так старательно отбивают всё желание отойти ко сну, забыть их. Ночь принесла только удовольствие. Удовольствие обоим. Её очертания и линии изящного тела кажутся идеальными, балуют рассудок приятным желанием. Желание не утихает. Даже после бессонной ночи не утихает ни на мгновение. Голос, его голос. Голос, который обещает страдания. Голос, который страдает. Я не хочу его слышать. Больше никогда не хочу. Он утихает. Перестаёт кричать, чувствуя моё

нежелание. Нет, я не забыл о нём. Я просто не хочу его искать. Не хочу этого делать сейчас, когда она так рядом, когда она не отпускает меня в это сгнившее место. Её безумные голубые глаза, горящие так, как ни чьи другие, не отпускают меня. Не дают мне уйти туда, к нему. Отбивают всё желание его найти. Заставляют его забыть. Заставляют видеть только их. Только эти голубые глаза. Я думаю, они важнее того, кто потерялся там. Хочу так думать. Очень хочу так думать. Кажется, она важнее его. Кажется, намного важнее для меня. Его голоса я больше не слышу. Наверное, он успокоился, наверное, принял свою судьбу, свыкся с ней. Не знаю. Не хочу знать. Я слышу её голос. Наслаждаюсь её голосом. Её голос ласкает меня. Каждое слово. Я не хочу, чтобы она замолкала. Я бы слушал её постоянно. Она говорит о вещах, не знакомых мне, говорит о таком, что если бы подобное случилось со мной, то я бы уже давно сошёл с ума или убил кого-нибудь. Говорит открыто и, кажется, честно. Я чувствую, что должен ей помочь. Я чувствую, что я тот, кто должен ей помочь. Тот, кто нужен ей. Без кого она не сможет и не хочет быть. Я так чувствую. Или думаю так. Да, я хочу так думать. Хочу повисить свою значимость, хотя бы для неё. Хочу думать, что могу помочь. Хочу думать, что способен это сделать. Эти безумные голубые глаза. Они заставляют бесцельность исчезнуть. Вдыхают смысл в моё существование и пробуждают во мне все человеческие чувства, так мирно спящие уже давно. Заставляют перманентно пребывать в со-

стоянии радости. Пьянят и не отпускают меня. Я не хочу, чтобы отпускали. Я не отпускаю себя от них.

Идти становится с каждым шагом легче. Ещё легче идти к нему. К тому, кому я нужен, кто зовёт меня. Он ждёт меня, ждёт, когда я его найду. Иллюзорный проблеск голубого света замедлил мой шаг, навеял воспоминания. О них я бы не забывал никогда. Слишком сладкие и свежие. Наша встреча была словно мираж в пустыне. Настолько же странная, насколько быстрая. И столь же обманчивая, сколь приятная. Бредовая. Не настоящая. Тогда я бросил его. Оставил здесь. Заставил себя забыть о нём. Заставил слишком просто, без усилий. Оставил бы, наверное, и теперь, если бы обстоятельства снова сложились так же. Но об этом я думать не хочу, не хочу, чтобы он знал, что отвернусь от него. Не хочу, чтобы он знал, что я желаю никогда не слышать его голос. Не хочу. Я очень хочу его найти. Хочу прервать его страдания. Хочу, чтобы его стон, разрывающий сердце стон, превратился в радостный крик. Громогласный, радостный крик. Вот чего я сейчас хочу. Я найду его. Я постараюсь это сделать.

Тогда я ей рассказывал обо всём. Обо всём, что чувствую. Обо всём, что меня тревожило. Она, кажется, даже меня не слушала, или не хотела слушать. Но не прерывала. А я продолжал говорить, как мне тяжело и одиноко. Я никогда об этом никому не говорил вот так. Так наивно, как ей. Искрен-

не. Даже зная, что ей это не особо интересно. Даже зная, что её проблемы, возможно, серьёзнее и сложнее. Я все равно не останавливал себя. Я словно жаловался. Словно хотел, чтобы кто-то понял меня. Хотел, чтобы кто-то меня пожалел. Наверное, это выглядело мерзко. Думаю, видеть это и слушать меня было отвратно. Почему-то тогда мне хотелось сказать об этом кому-то, кроме себя. Почему-то мне хотелось, чтобы она заметила, как я страдаю внутри. Скорее даже, наигранно страдаю. Тогда я точно был жалок. Но я надеялся, что она сделает так, что мне не придётся возвращаться в это место. Никому после неё я такого не говорил. Я понял, что это бесполезно и глупо. Мало кому это показалось бы интересным. Я осознал, насколько это было жалко. Но почему-то я говорил ей обо всём, что чувствую. Меня просто разрывало... Я об этом скоро пожалел. Наверное, я просто хотел, чтобы она поняла, почему я так часто пытаюсь забытья. Хотел оправдать этим свои мерзкие животные приступы. Нет. Я хотел, чтобы она меня пожалела. Теперь я отвратителен сам себе. Я говорил ей о всех чувствах, что меня переполняли. Даже если они были не настоящие. Даже если я сам их выдумал и поверил в них. Видимо, всё для того, чтобы не вернуться в это место. Оно слишком сильно вымотало меня в последний раз. Но мог ли я сам тогда выдумать безумный блеск её глаз? В других глазах я не замечал его.

В этом месте все чувства глушит чувство тревоги. К нему не привыкнуть. Я не могу. Борюсь с ним. Борюсь безуспешно. Мои виски становятся настолько тяжёлыми, что мне трудно держать голову прямо и смотреть вперёд. Я смотрю себе под ноги. Не могу заставить себя поднять голову. Не могу идти гордо. Слишком тяжело. Я слаб. В этом месте слаб, как ни в каком другом. Я не могу расправить плечи, иду сторбившись и прижимаюсь к земле, как старик. Нет. Перед этим местом я бессилён. У меня нет даже мысли сопротивляться ему. Как бы я не хотел зародить такую мысль в своей голове, не могу. Наверное, не хочу. Понимаю, что не получится. Я всегда себя ставил выше других, всегда чувствовал, что могу казаться уверенней, чем есть на самом деле, сильнее, чем есть на самом деле. Но не здесь. Здесь я слаб. Здесь я такой, какой я есть. Ничто не может обмануть это место. Оно само обманет меня, а я даже и не осознаю этого. Оно заставляет себе подчиняться. Заставляет, пока я здесь. От того так сложно идти, от того так хочется вернуться. Сложно чувствовать себя беспомощным. Ещё сложнее это признавать. Но здесь это невозможно отвергнуть. Свыкнуться с этим я не могу. Хочется уйти отсюда. Хочется уйти, чтобы снова обрести силу. Показать, насколько я силен. Обмануть всех. Стать выше других, значимее. Я не уйду. Теперь не уйду. Слишком часто уходил.

Туман. Кажется, он становится моим другом. Нет, конечно, он не друг мне. Он мой спутник. Мерзкий и лживый спутник, к которому я постоянно привыкаю. Я знаю, что он подведёт меня, знаю, что задушит, когда я не буду этого ожидать. Но я рад ему. Рад, что я не одинок на своём пути, туман не оставляет меня в одиночестве. Не даёт этому чувству меня поглотить. Я готов ему довериться. Готов, зная, что это неправильно. Зная, что я не должен ему доверять. Я доверяю, обманываю себя, доверяю. Знаю, что он морочит меня, но мне это безразлично. Мне приятна его компания. Мне бы была приятна компания любого, самого бесчестного человека, главное, что бы одиночество не утопило меня в грязи этого места. Туман нашептывает мне мысли, я знаю, что это делает он. Теперь мне сложно отличить свои мысли от его. Очень сложно. Я понимаю это. Понимаю, но не борюсь с этим. Пусть шепчет. Пусть ведёт меня к нему. Туман, бывший мне врагом, превращается в моего проводника. Я так решил. Я, а не он. Он меня не обманет, я сам его обманываю. Так я хочу думать. Так я думаю. Я знаю, что это не так. В этом месте легко потеряться. Легко уйти с верного пути. С пути, что ведёт к нему. Что бы не потеряться здесь, как он, я должен постоянно слушать его голос. Он не даёт забыть. Не даёт отдаться в лапы тумана. Его крик не даёт этому месту проглотить меня, заставляя мой здравый рассудок просыпаться.

Крик. Крик? Нет. Это не крик. Добрый, дружеский голос. В этой тишине я уже плохо различаю громкость звуков. Каждый новый звук становится громом в ушах. Он, настолько приятный, в этом месте странно слышать его. Кажется, это он. Я спотыкаюсь об торчащую в грязи корягу, но он не даёт мне упасть. Поднимает меня. Успевает поймать меня. Всегда успевал. Всегда оказывался рядом, когда это было нужно. Всегда. Я рад ему, рад, что он здесь, рад, что не даёт остаться с туманом один на один. Рад, что прерывает наше с туманом общение. Он не знает. Не знает почти ничего. Думаю, не знает, но хочет помочь. Догадывается, чувствует. Всегда помогает. Не требует от меня ничего. Не хочет, чтобы я ему рассказал, где я. Не хочет, чтобы я сказал, почему я здесь. Не хочет только потому, что знает – я этого не хочу. Но понимает. Кажется, понимает, хоть и не может понимать. Наверное, лишь тот исполин может всё понять, тот, кто не хочет сказать мне что-то очень важное, кто почему-то не может сказать. Но эти глаза, эти добрые глаза. Они никогда не смотрели на меня со злобой. Эти глаза, которые не видят в моих глазах ненависти, когда другие видят только её. Эти карие глаза, самые близкие, говорят, что я должен его найти. По-моему, он говорит именно это. Глаза, которые никогда от меня не отрекутся. Что бы я не сделал, всегда будут меня защищать. Всегда будут самыми добрыми для меня. Эти глаза спасали меня всегда. Я помню, они всегда были рядом. Даже когда я был далеко, они всегда были рядом, когда они мне были нужны.

Они были нужны очень часто. Они готовы меня защитить в любую минуту, словно глаза матери, любящей своего ребёнка. Он дал мне сил. Дал сил бороться с туманом, которого я уже хотел посчитать своим союзником. Дал сил идти вперёд и искать. Он не говорит, что я неправ, не говорит, что я должен остановиться, он знает, что этого я не хочу. Знает, что мне это не поможет. Откуда он всё это знает? Почему он здесь появился? Чем я заслужил его? Я не знаю. Я ничего не знаю. Пока он здесь, пока идёт со мной рядом, я поднимаю голову, делаю это легко, расправляю плечи, иду гордо, забываю о тумане. Борюсь с туманом. Это моё место. Не может это место мной повелевать. Я повелеваю им. Я будто возрос, будто стал огромным. Это место словно склонилось предо мной, потеряло всю свою силу. Туман у меня в ногах, я иду и ничто не может помешать мне. Всё потому, что он рядом, потому что именно он даёт моей силе вырваться, не позволяет угаснуть. Я иду полон сил. Ничто не может взять верх надо мной теперь. Мы идём долго, силы наполняют меня, заставляют чувствовать их. Я забыл всё, забыл, что ищу. Я просто наслаждаюсь силой в себе. Мы идём. Идём вместе. Он помогает мне идти. Идём долго. Долго и легко. Как я рад идти с ним! Мы идём, но силы угасают. Я забываю про него. Думаю, что его нет рядом. Становлюсь всё меньше, приключаюсь к туману, горблюсь, совсем забываю о нём.

Волк. Белый волк. Этот волк уже давно здесь. Иногда я чувствовал, что он рядом. Видел его очертания в тумане. Знал, что не оставляет меня одного. Знал, что помогает мне. Помогает не пропасть, помогает не забытья в этом месте. Помогает помнить, кто я. Кажется, помогает сохранить себя. Этот волк словно я. Словно я сам обратился волком и не даю себе пропасть, не даю сломаться. Он так похож на меня. Так хорошо знает меня. Он у меня в ребрах, я чувствую его на своих костях, он точно там остался навсегда. Я не смогу его забыть. Он своей мощной пастью прогрыз правые ребра. Прогрыз, что бы я не терялся, что бы всегда помнил, что волк спасёт меня. Поможет принять верное решение. И он здесь. Постоянно здесь. После этого не оставляет меня. Помогает мне идти. Жёлтые глаза, которых я никогда не видел. Не могу их видеть. Не могу узнать, что в этих глазах. Жёлтые глаза, которые меня постоянно преследуют. Как я им рад! Я не чувствую себя с ними одиноким. Волк, что постоянно идёт рядом, не отступает ни на шаг. Когда других уже не видно, когда не видно никого, волк рядом, всегда рядом. Блестит глазами, подсказывает путь. Этот волк словно часть меня. Этот волк больше не покидает. Он прибавляет сил. Прибавляет их в любой ситуации. Это мой волк. Я и есть этот волк. Наверное. Кажется, этот волк я. Нет, это не так. Я очень ему рад. Белый волк. Тот, что навсегда останется со мной. Тот, что унесёт меня отсюда, стоит только попросить. Стоит толь-

ко сказать ему об этом, как он тут же вытащит меня из этого места. Но пока он здесь, пока я здесь, он будет мне помогать идти. Он во многом мне помог. Шрам от его клыков всегда останется воспоминанием о его помощи. Он спас меня, когда я падал. Вцепился мощной пастью в ребра. Не дал погибнуть. Не позволил мне пропасть. Вытащил меня из пропасти этого глухого места одним мощным рывком.

Наверное, мне придётся оставить моего белого волка. Оставить, чтобы найти его. Того, кто так громко меня зовёт. Наверное, придётся. Как бы мне этого ни хотелось, как бы я этого ни боялся, придётся сделать это. Что бы потеряться в этом месте, чтобы найти его, я должен оставить волка. Белый волк не даст мне пропасть здесь. Я понимаю, что должен это сделать. Должен пропасть. Я уже не важен. Важен только тот, кто так страдает. Мне важен только он. Но я боюсь. Не говорю волку, что бы он оставил меня. Не прогоняю. Боюсь, что некому будет меня спасти в следующий раз. Когда буду падать. Всё ещё боюсь.

Тогда грязный тощий старик долго сидел на моих плечах и, свесив свои усохшие ноги, шептал мне в уши какой-то бред, сводя меня с ума и подводя всё ближе к пропасти. Поначалу, он показался мне добродушным, немощным стариком, говорящим об интересных вещах, и я решил помочь ему. Решил, что его компания скрасит путь во мгле, и он от-

ветит на некоторые мои вопросы, которые я часто задавал сам себе. Но чем дальше мы шли, тем всё более странной казалась мне его речь. Он словно заговаривал меня. Заглушал во мне мой голос. Кашлял и харкал кровью прямо на меня. Я понимал, что он увлекает меня своим безумством, но к этому моменту уже не в силах был сбросить его. У меня не было даже такой мысли. Я даже представить не мог, что это возможно. Он ввёл меня в состояние полного бреда. Он шептал сразу несколькими голосами так, что они спутывались у меня в голове. Словно спираль из слов. Словно сверло, буравящее мой разум, разрушая его всё сильнее. Ничего было не разобрать в его речи. Абсурд. Бред старого безумца. Он заменил все мои мысли своим сумасшедшим бредом. Я совсем забылся. Не понимал, что происходит. Не понимал, пока, заплутав, не шагнул в пропасть. Тогда волк и спас меня. Старик исчез, а волк навсегда остался рядом. Из густи тумана светятся и сейчас его жёлтые глаза, наблюдающие за мной, он не позволяет вновь обмануть меня этому старику.

—

Нет сил идти. Я падаю. Лежу в грязи. Не могу пошевелиться. Не хочу. Слишком сложно. Слишком много сил я потерял. Это место отнимает очень много сил. Отнимает все мои силы. Меня прижимает к земле невероятно сильным давлением. Всё моё тело впивается в землю. Впивается всё силь-

нее, словно на него давит огромный пресс. Ни мысли в голове. Только боль. Голова болит невыносимо. Виски сдавливает, словно тисками. Я слишком долго шёл. Не хотел обращать внимания на то, что силы на исходе. Шёл за ним. Его крик еле слышен. Его мешает услышать моя собственная боль. Мои мышцы словно атрофировались. Я их не чувствую. Не могу напрячь. Я словно весь иссох. Иссох, измотанный этим местом. Этим жутким зелёным туманом.

Как давно я не чувствовал тепла. Как давно я не чувствовал ласки. Как давно я не говорил с кем то, кроме него и тумана. Как давно я не чувствовал лёгкости. Мне так хочется увидеть перед собой что-то красивое. Хочется увидеть то, что заставит меня радоваться. То, чем можно будет наслаждаться. Я хочу вернуться. Хочу вернуться хоть ненадолго. Хочу сделать глоток чистого воздуха. Хочу упиться им. Не могу. Если уйду, как тогда, вернувшись, я снова начну сначала. Пусть она заберёт меня отсюда ненадолго. Пусть делает это. Я устал от мрака. Мрак уже внутри меня. Я стал морщинистым, старым и угрюмым. Так давно я не слышал радостного смеха. Она бы могла вытащить меня отсюда хоть ненадолго. Я хочу смеяться. Хочу ненадолго забыть об этом месте. Пусть он кричит. Пусть терзает меня своим криком. Я хочу смеяться нервно и надрывисто. Я хочу не замолкать. Это место выводит меня из себя. Пусть она вытащит меня. Я совсем не помню её глаз. Я так хочу смеяться. Пусть будет

ещё тяжелее. Нет. Я не могу вернуться. Пока я не нашёл его, возвращаться нельзя.

Я лежу уже очень долго. Не могу встать. Совсем нет сил. Я сломлен этим туманом. Не могу идти дальше. Не могу вернуться. Не хочу возвращаться. Я уже слишком далеко. Я почти нашёл его. Но я не могу даже пошевелиться. Не мыслей, не сил, лишь его глухой крик. У меня нет сил реагировать даже на него. Я не уйду отсюда. Буду лежать здесь, на этом месте, пока силы не появятся. Хотя бы немного сил. Сил, чтобы встать, сделать один шаг. Нужны силы хотя бы на это. Их нет совсем. Я лежу в полном расслаблении.

Если бы кто-то видел сейчас меня, лежащего здесь, в грязи, он бы увидел мои уставшие глаза. Глаза безрадостного старика. Глаза человека, которого покинули все желания. Глаза, которые были у моего отца, когда я приходил навестить его в психиатрической лечебнице. Глаза, которые я уже видел. Зелёные, потускневшие и угасшие глаза. Всё, чем я занимался в последнее время – так это искал того, кто будет способен снова их зажечь, того, кто способен пробудить в них интерес. Даже когда этого не удавалось, я цеплялся за каждого, кто мог бы отстранить меня от этого места. Хотя бы ненадолго. Мне было это нужно. Я не хотел находиться здесь. Так отчаянно боролся с этим местом, боролся с его зовом, не позволял себе снова сюда попасть. Каждый раз я

обманывал сам себя лишь для того, чтобы не возвращаться в это место. Для того, чтобы не чувствовать давления этого паскудного тумана, выжигающего мой разум. Каждый раз я возвращался. Каждый раз ошибался и находил совсем не то, совсем не тех. Только сейчас, лёжа здесь без сил, я понял, что тогда пытался остаться совсем не с ней. Я пытался не попасть сюда. Пытался упорно, глупо и отчаянно. Хотел забыть это место. Дело было вовсе не в ней. Дело было в её безумных глазах, в которых я мог забыться. Мог удовлетворить своё желание не возвращаться в это место. Я спасал сам себя. Наверное, это очень эгоистично. Наверное. Теперь я понял, почему она так не любит людей. Она имеет на это полное право. Находясь здесь, я многое начал понимать. То, чего раньше понимать не хотел.

Состояние сонное. Словно я в полубреду. Мне удалось встать. Не знаю как, но удалось. Я встал неторопливо. Нехотя продолжил свой путь. Всё, что было до этого момента, на мгновение показалось всего лишь кошмаром во сне. Я понял, что это не так, когда вновь увидел туман и вдохнул зловонный запах этого места. Я осознал себя здесь. Вспомнил зачем я пришёл, и видимо, именно это помогло мне встать и продолжить путь. Его голос я снова слышу, хотя уже не так громко и отчётливо. Он снова зовёт меня к себе. Просит идти. Просит не останавливаться. Я иду, словно зачарованный, но понимаю зачем я иду. Понимаю, зачем ищу его. Кажется,

пока я лежал, прибитый к земле, мой разум находился где-то не здесь. Где-то в полной пустоте. В пустоте действий и мыслей. Это дало мне отдохнуть. Непреднамеренное замедление в его поиске принесло пользу. Позволило отдохнуть от гнёта этого места и обманывающего шепота тумана. Идти стало легче. Разум хоть немного, но просветлел. Не знаю, рад я этому или нет. Ещё совсем недавно я готов был быть поглощённым этим местом. Теперь же снова есть силы и желание ему противостоять. Противостоять, но идти дальше. Не возвращаться. Искать его. Влияние тумана сейчас не кажется таким давящим и болезненным. Я даже могу дышать, кажется, легко. Почти легко. Тревога словно немного отошла от груди. Я начинаю осознавать, что это место пытается предать забвению весь мой путь. Это место хочет, чтобы я его покинул. Хочет обмануть меня появившейся лёгкостью. Хочет дать мне понять, что ему здесь так же легко, как и мне сейчас. Но я всё помню. Кажется, помню. Слышу его крик. Знаю, что он не обманывает. Знаю, что обязан его найти. Чувствует ли это место мои мысли? Знает ли, что я предвидел его планы? Возможно, мне только кажется, что предвидел. Здесь сложно не запутаться самому. Сложно понять суть происходящего. Всё больше мыслей посещает меня с каждым шагом. Всё сильнее нарастает чувство тревоги, чувство того, что я сам себя начал обманывать, что я сам себя веду в тупик. Туман снова проникает в рассудок и лихорадит его. Лёгкость, которая была прежде, постепенно уходит. Я забы-

ваю о ней, словно её и не было. Меня это даже не смущает. Я думаю, так и должно быть. Только так я найду его здесь. Путь не может быть лёгким в этом месте. В лихорадочном стремлении найти его, я забываю себя. Кажется, в этом и был мой план. Всё идёт так, как я и задумал, когда вернулся в это место. Всё идёт по плану.

Кажется, я снова пришёл туда, где горел костёр. Сейчас от костра нет и следа, нет не угля, не пепла. Я чувствую запах догоревшего костра. Нет, я не мог прийти сюда снова, я шёл прямо, не сворачивая. Я иду дальше, прогоняю мысли о том, что хожу кругами и не могу его найти. Это страшные мысли. Они заставят меня вернуться. Я не могу позволить себе этого. Не теперь. Они наводят на меня тоску. Пробуждают страх. Страх того, что я не смогу найти его в этом месте. Страх того, что он так и останется здесь в одиночестве. Совсем один в этом ужасном месте. Он этого не перенесёт. Я бы сам не смог этого вынести. Вся боль этого места, вся тревога, что есть в этом месте, гниль и удушье – всё это отражается в его отчаянном крике о помощи. Я не дам этому месту себя обмануть. Мой разум словно отстраняется от этого места, не хочет здесь находиться. Я борюсь с этим. Пытаюсь с этим бороться. Я буду идти несмотря ни на что.

Я иду долго. Уже чувствую, как цепкие пальцы тумана впиваются в мои виски. Снова впиваются, снова давят с бы-

лой силой. Кажется, я наконец-то понял, как различить ночь и день, понял, как узнать, насколько долго иду. День вытаскивает меня из этого места, заставляет мысли отступить, делает меня опустошённым. Ночью это место поглощает меня всего, наполняет голову вихрем вопросов, на которые я должен найти ответ, заставляет его кричать громче. Настолько громко, что его голос заполняет всё вокруг, заставляет забыть обо всём. Каким бы скверным не было это место, оно даёт ответы на мои вопросы. И я жду ночи, теперь постоянно её жду. Жду время, когда это место принимает меня, когда оно не хочет, что бы я его покинул, оно хочет лишь мной овладеть, хочет, что бы я остался здесь навсегда, но противится тому, что бы я нашёл его. Хочет меня запутать, хочет, чтобы и я потерялся здесь. Он не даёт забыться и свернуть. Если бы не было его, я бы здесь уже потерялся. Днём здесь словно все останавливается, застывает на месте. А сам я припадаю к земле не в силах идти дальше, не имея никакого для этого желания. Днём наступает абсолютная пустота. Я как будто выключаюсь, меня как будто выкидывает из жизни. Нет ничего, что заставляло бы меня чувствовать себя живым днём. Ночью есть он, есть его голос, есть чувство, что я ему нужен. Чувство, которое заставляет идти дальше и бороться с этим местом.

Охотник. Он идёт за мной. Выслеживает меня. Я заметил его совершенно случайно. Увидел его тень в тумане. Почувствовал его спиной. Холод мурашками пробежал по телу. Страх заставил мои глаза раскрыться в ужасе. Тревога переполнила меня. Лицо оцепенело в испуганной гримасе. Ноги сами идут. Я понимаю, что сейчас нельзя останавливаться, даже не задумываясь об этом. Охотник близко. Он нашёл меня. Нашёл, и теперь выжидает нужного момента. Он убьёт меня. Как только представится шанс, он это сделает. Что делать мне теперь? Он знает, что мне страшно. Чувствует мой страх и оттого сейчас и не пытается прятаться. Хочет, чтобы я заметил его. Хочет, чтобы я чувствовал, что он близко. Он заставил меня дрожать. Непрекращающаяся дрожь объяла всё моё тело. Неужели мне теперь идти с мыслью о том, что он постоянно рядом? Я не успокоюсь, зная, что он преследует меня. Он шёл по моим следам. Нагнал меня. Он знает это место. Оно принимает его. Здесь он словно рыба в воде. Ни туман, ни грязь ему не мешают. Он ступает бесшумно, быстро. Окружает меня страхом и тревогой. Лучше мне забыть про него. Забыть, что он здесь. Мне никуда от него не скрыться в этом месте. Он найдёт меня, что бы я ни делал. Но пока я думаю о нём, я стараюсь сам увидеть его. Постоянно ищу взглядом. Постоянно ощущаю его. Тревога не покинет меня, если я не забуду об охотнике. Идти будет ещё сложнее. Я должен бежать. Бежать на крик того, кого я ищу. Я не должен останавливаться. Если я остано-

люсь, он убьёт меня. Обязательно убьёт. Он следил за мной постоянно. Я знаю это. Но я вспомнил о нем только сейчас. Вспомнил невольно. И тут же его заметил. Почувствовал его. Этот дёрганый, нервный охотник. Он вечно оглядывается. Он вечно настороже. Боится за себя, но не перестаёт преследование. Он заставляет меня вспомнить всё. Всё, что случилось прежде. Все мои мерзкие поступки. Все слова, что я обронил в полубреде. Всю ложь, которая сочилась из меня в те, прежние моменты. Он не даёт покоя. Заполняет мысли воспоминаниями, которые пожирают меня изнутри, заставляя себя ненавидеть. Заставляют испытывать страх и смущение. Воспоминания, о которых я и не думал, которые почти забыл, почти стёр из своей памяти. Разве ты не помнишь, что ты сделал? Разве не помнишь, почему он ушёл? Ты знаешь, ты всё знаешь. Я заставлю тебя всё вспомнить. Пока ты здесь, тебе не спрятаться от меня. Туман отдаст мне тебя всего. Охотник всегда обличает меня.

—

Я здесь уже слишком долго. Слишком длинный путь я прошёл. В этот раз он не сравним с предыдущими попытками. Я очень далеко зашёл. Наверное, он уже близко. Я хочу уйти. Не могу больше здесь находиться. Мне тяжело дышать. Я хочу обратно. Хочу глотнуть свежего воздуха. Хочу увидеть радость. Хотя бы в других. Хочу найти счастливые лица.

Хочу увидеть рассвет. Эта угрюмая тьма сводит меня с ума. Я не могу больше здесь находиться. Не хочу. Я уйду. Уйду. Хочу уйти и заставить себя больше никогда сюда не возвращаться. Хочу заставить себя не слышать его голоса. Хочу не обращать на него внимания. Хочу забыть о нём. Мне слишком сложно к нему идти. Слишком тяжело находиться в этом месте. Не заставляй меня здесь оставаться. Не заставляй искать тебя. Я не могу. Я задыхаюсь в этом месте. Ещё немного и мне совсем нечем будет дышать. Я прошу тебя, отпусти. Дай мне вернуться обратно. Я хочу забыть тебя. Это место сильнее меня. Оно меня удушит, если я останусь. Здесь слишком темно. С каждым шагом я чувствую, как приклоняюсь всё ниже к земле. Ещё немного и мне останется лишь ползти за тобой. Злость и ненависть, тревога, терзания – я уже перестал различать свои и твои чувства. Твой крик заполняет меня всего. Он сливается со мной. Делает меня тяжелее. Всю свою боль и страдания – всё это ты отдаёшь мне. Неужели ты настолько подл, чтобы отдать их мне. Неужели сам не в силах справиться с ними. Они каменной глыбой лежат на моих плечах. Они сотнями игл протыкают моё сердце. Отпусти меня. Позволь вернуться. Не зови. Не проси помочь. Оставь меня. Я хочу тебя забыть.

Нет. Как могу. Как мог я такое подумать. Как могу я оставить его здесь. Как смею просить его о таком. Нет. Я снова ослабел. Снова забыл почему пришёл сюда. Совсем забыл.

Он нужен мне так же, как и я ему. Я по собственной воли пришёл сюда. Я обещал ему, что найду его. Я обещал себе, что не вернусь. Я готов был сгинуть здесь, ради него. Откуда взялись в моей голове мысли о том, чтобы его бросить. Даже если захочу, я смогу забыть о нём лишь на время. Нет. Как могу я оставить его здесь одного. Ему никто не может помочь. Лишь я. И я, тот, кто так ему дорог, готов был бросить его. Бросить того, кто по-настоящему дорог мне. Я снова всё забыл. Ослабел. Запутался. И снова готов был уйти. Снова устал от этого места. Снова решил уйти, так и не выполнив своей цели. Нет. Я уже почти нашёл его. Я близко. В этот раз я точно найду его. Я буду нести его чувства в себе. Пусть они смешаются с моими. Я не дам ему здесь пропасть. Я выдержу. Как бы мне не было тяжело, я дойду до него. Идти всё тяжелее, потому что он близко. Туман хочет, чтобы я ушёл. Хочет, чтобы он остался здесь навсегда. Хочет, чтобы он вечно мучился. Всё этот гадкий туман. Он поселяет эти мысли в моей голове. Я не поддамся. Я не оставлю его. Это место не принимает меня. Оно хочет укрыть его от меня. Я слышу его голос. Я слышу голос, а не крик. Он уже рядом.

—

Ребёнок. Кто оставил его здесь одного? Он так радуется. Словно не понимает, что он остался здесь совсем один. Не понимает, где он. Играет. Играет со всем, что попадётся ему

под руку. Всему радуется. Что он здесь делает? Он словно не видит всего кошмара вокруг. Глупый, наивный ребёнок. Играет с гнилью. Играет с костями. Что за безумный беззаботный ребёнок. Как мог он попасть сюда. Кто виноват в том, что он сюда попал. Я бегу за ним. Кричу, что бы он остановился. Он словно меня не слышит. Убегает всё дальше в туман. Я бегу за ним. Спотыкаюсь из-за нервного дыхания. Теряю его из вида. Туман словно прячет его от меня, становится гуще, тяжелее, утомляет меня. Я не пробежал и десяти шагов, но чувствую, как ноги подкашиваются из-за слабости. Ком холодного воздуха застрял между горлом и лёгкими, сопровождая каждый вдох в пробуждающий рвоту позыв. Нужно отдохнуть. Нужно успокоиться. Кажется, мне это привиделось. Туман играет со мной. Откуда здесь взяться невинному ребёнку. Надо идти дальше. Я разворачиваюсь, чтобы снова продолжить свой путь. По ушам звонко ударяет ребячий смех. Видимо, он просто хотел со мной поиграть, а теперь вернулся, понимая, что я не смогу догнать его. Я только сейчас замечаю в руках ребёнка жирную чёрную крысу. Крыса, похоже, мертва. Не подаёт никаких признаков жизни. Он держит её за огромный хвост, раскручивая одной рукой, словно пращу. Не успеваю я окликнуть его, как он резко бросается в мою сторону, вцепившись пальцами обеих рук в мёртвую тушу. Он держит её, словно хочет вручить мне как дар. Идёт, задрвав подбородок, гордо, насколько может, словно барабанщик из оркестра на военном параде, и, под-

нимая колени вверх, чётко отбивает голыми стопами по грязи. Я опускаюсь на левое колено, положив правую руку на согнутое правое, и немного наклоняюсь, чтобы быть с ним на равне и придать моменту торжественности, на которую он, видимо, так надеется. Не хочу, чтобы он боялся меня. Он идёт довольно быстро и ритмично. Чем ближе он подходит, тем лучше я могу разглядеть его в тумане, потому как с его приближением, туман рассеивается. Это милый розовощекий мальчишка. Чистый, словно не тронутый гнилью этого места. Добрые зелёные глаза, выделяющиеся на фоне светло-русых длинных волос, светятся доверием и наивностью. Его лицо сияет детской улыбкой. Он меня видит отчётливо и по его лицу понятно, что он вспомнил меня и рад мне. Рад, словно встретил своего отца, которого не видел уже давно. Я стою, околдованный его видом, и радость наполняет меня. Мальчик сияет, принося покой в это мрачное место. Сейчас, когда он подошёл совсем близко, я вижу, что тьма этого места не касается его. Он защищён пеленой света и под его ногами брызжет совсем не грязь – это, переливаясь белыми лучами, блестит мягкая, будто шёлковая, зелёная трава. Только он подошёл вплотную, как сразу же застыл на месте в испуге, пристально поймав мой взгляд. Он смотрит мне прямо в глаза. Его зрачки расширились незамедлительно. Доверие и наивность внезапно пропали. В его взгляде читается только ужас. Белки его глаз, до этого белоснежные, источающие свет, потемнели и налились кровью, челюсть медленно опус-

кается вниз, позволяя показаться мелким детским зубкам, а руки, державшие жирную крысу, сжимают её всё сильнее. Я стою неподвижно. Он бойко переводит взгляд и одним движением перегрызает крысе брюхо и, с усилием, бросает на землю, прямо мне под ноги. Внутренности с кровью вырываются из туши, пропитывая воздух новым смрадным запахом, заливая мои ступни и просачиваясь сквозь пальцы. Я протягиваю руку, что бы дотронуться до его плеча, успокоить, но он неловко отстраняется, падая на спину, а перед тем, как встать, помогая себе локтем левой руки, в последний раз бросает на меня взгляд, наполненный страхом, и со всех ног мчится от меня в гущу тумана. Я обомлел. Продолжаю стоять, уперев колена в грязь, широко раскрыв глаза. Я не могу обронить ни слова у себя в голове. Ни одна мысль не смеет потревожить меня в этот миг. Туман снова застил густой дымкой всё вокруг. Я остался стоять в той же позе, которая должна была передать моменту торжественности.

—

Дождь. Дождь привёл меня в чувства. Я сумел продолжить путь, хоть теперь меня не покидали мысли об этом мальчике. Он потерялся здесь так же, как и тот, кого я ищу. Потерялся слишком давно. Так давно, что его голос уже вряд ли кто-то услышит. Вряд ли он вообще способен кричать, находясь в этом месте так долго. Туман прибрал его себе.

Дождь льёт часто, с шумом отскакивая от поверхности гнилой земли. Шум заполняет это место. Звук дождя, громкий и повсеместный, медленно, почти незаметно, сливается в единый плачь. Надрывный, безустанный плачь. Он слышится всё громче. Женщина. Она ревёт навзрыд. Она зовёт своего сына. Просит, что бы ей вернули её сына. Кричит, плачет и требует во что бы то ни стало вернуть ей её ребёнка. Почему она плачет? Разве её сын умер? Нет. Он не умер. Он здесь. Я ищу его. Я смогу его найти. Я хочу успокоить эту женщину. Я подхожу к ней, чтобы сказать ей о том, что я ищу её сына. Я здесь именно для этого. Я верну его ей. Она меня не видит. Не видит совершенно. Она совсем не знает, где её сын. Он просто нужен ей рядом. Она не хочет видеть другого. Ей нужен только её сын. Тот, что рыдал в своей маленькой кровати. Тот, которого она так любила. Которого она так любит. Меня она не видит. Она ищет взглядом его. Карие глаза. Будто он снова здесь. Нет, это совсем не он. Он придаёт сил. Эти глаза заставляют только кричать. Это не его глаза. Я кричу. Хочу, чтобы она слышала. Хочу, чтобы успокоилась. Пусть знает, что я найду его. Найду, чего бы это мне ни стоило. Пускай она это знает. Пусть возложит свои печали на меня. Теперь это моя забота, не её. Она ему не поможет. Не сможет помочь, как бы ни старалась. Как бы ни хотела помочь, сделает ещё хуже. Только хуже. Изведёт его ещё больше своими страданиями, своей заботой. Ему нужна помощь. Моя помощь. От её рёва он только больше страда-

ет. Я чувствую это. Его угнетает её печаль о нём, давит на него. Он не хотел бы, что бы кто-то страдал из-за него. Он не хотел бы довериться никому. Не хотел бы рассказывать правду. Поэтому я здесь. Единственный, с кем он может быть открытым. Единственный, на кого он готов возложить груз своих мучений. Я здесь только из-за него.

Нет. Внезапно я понял. Вспомнил мальчика, которого, почему-то, так быстро смог забыть. Она потеряла не того, кто зовёт меня. Мальчик, маленький мальчик, которого я видел. Мальчик весёлый и наивный. Наверное, это её сын. Наверное, его она ищет. На мгновение мне показалось, что она посмотрела прямо мне в глаза, как только эта мысль посетила меня. Нет. Она не могла этого сделать. Она не видит меня. Смотрит сквозь. Но когда я подумал о том мальчике... Неужели, это её сын? В её коротком взгляде, который, мне кажется, лишь причудился, чувствовалась просьба. Мне показалось, будто она просит, что бы я нашёл его. Что бы я привёл его к ней. Нет. Этого я сделать не в силах. После того, что случилось, когда я встретил мальчишку, я не могу обещать ей вернуть его. Кажется, он должен остаться здесь навсегда. Мне нужно идти к тому, кто зовёт меня. Что бы не происходило здесь, я должен идти. Должен, потому что он кричит. Страдает. Я должен успеть к нему. Сейчас это важнее. Важнее для меня. Меня не трогают даже её слёзы. Даже это меня никак не ранит и не тревожит. Мне разрывает

сердце его безумный крик. Пусть она остаётся здесь. Пусть оплакивает своего ребёнка. Она всё равно его этим не спасёт. Он пропадёт в этом месте. Я знаю это точно. Ему отсюда не выбраться к ней. Он пропадёт здесь. Мне совсем его не жаль. Мне совсем не жаль её. Она кричит сквозь плач. Не со мной она пытается говорить. Не мне кричит о помощи. Сейчас я осознал, она кричит супругу. Взывает к его благоразумности. Просит, что бы он вернул её ребёнка. Он не отвечает. Должно быть, он знает. Знает, как и я, что этому мальчику суждено быть забытым и остаться навсегда в этом месте. Он точно знает это. Молчит, совсем не потому, что ему безразличны её слезные просьбы. Он знает, что уже ничто не вернёт им мальчика.

—

За время, проведённое в этом месте, у меня накопилось слишком много вопросов, на которые я не могу дать ответ. На некоторые из них ответ даёт это место. Быть может он, тот, что зовёт меня, может он знает. Может поэтому зовёт. Хочет рассказать обо всём. Может он, потерявшись здесь, нашёл ответы. Ему нужен тот, кто вытащит его отсюда. Мне нужен тот, кто даст ответы. Неужели мы обязаны с ним встретиться. Неужели это нужно в равной мере нам обоим. Не для того ли он сам пришёл в это место. Разве не для этого блуждал здесь. Сколько новых вопросов задаёт это место.

Сколько даёт оно ответов на старые вопросы.

—

Движение. Я чувствую чьё-то движение. Чужой запах. Запах, появившийся совсем недавно, пробивший ноздри. Я распознал его среди вони только сейчас. Запах старости. Отвратный и пугающий, запах смерти. Кто-то рассекает туман. Слышны частые, судорожные шаги. Лилипут. Он кинул взгляд прямо мне в глаза, пробегая своими кривыми маленькими ножками очередной круг. Он взглянул лишь на секунду. Блеснул чёрными глазами, лишёнными белков, в которых отразился мой ужас. Я успел заметить, что его угрюмое, злое лицо, усаженное морщинами и шрамами, расплывается в дикой улыбке, обнажая острые, сколотые зубы. Он, не замедляя бег, резко прыгает на меня, оттолкнувшись четырьмя конечностями от земли, миг оказывается у меня на плече. Вонзается острыми ногтями в горло, заливаясь громким скрипучим смехом. Я руками пытаюсь сбросить его с себя, но мне не достаёт сил. Лилипут слишком крепко вцепился в мою шею и не позволяет даже вздохнуть. Пытается задушить. Выбивает из меня последние остатки трезвого разума. Он зубами прокусывает мою раздувшуюся, наполненную кровью артерию и начинает пить кровь, впрыскивая в меня густую, дурманящую желчь. Он с туманом заодно. Он хочет убить меня. Хочет убить здесь, в этом месте. Хочет убить ме-

ня навсегда. Я падаю на колени, вставив локти вперёд. Плюю кровью, не понимая, что со мной происходит. Всё, что было до этого момента, я помню смутно. Отрывками. Я ладонью закрываю рану на шее, из которой брызжет кровь неестественного цвета. Что я здесь делаю? Зачем я здесь? Крик. Его внезапный крик напомнил о себе и заставил забыть о ране. Разве не ты сюда пришёл? Разве не сам захотел прийти сюда тогда? Ты пришёл совсем один. Чего ты ждал? Лилипут, нервно смеясь надо мной, медленно исчезает в тумане, не сводя с меня своих ужасных чёрных глаз.

Я дам ему то, чего ему так хочется, что так нужно ему. Во что он так неистово верит. За что он готов бороться, терзая и мучая себя истошным криком. Только поэтому я готов ему подыграть. Я готов и сам поверить в его игру. Готов чувствовать так же, как он. Только поэтому я иду дальше.

Пока я шёл, мои мышцы совсем истощали и потеряли былую силу. Руки превратились в сухие прутья. Щёки впали, чёрные круги под глазами разрослись так сильно, будто что-то тяжёлое постоянно тянет их вниз к земле. Вид мой теперь сравним с видом тяжело больного. Что бы увидеть себя такого здесь, мне не нужно зеркало. Я могу без труда пальцами пересчитать все рёбра, а живот словно впивается в мой позвоночник. Я так быстро превратился из молодого юноши в старика, что кажется прошла целая вечность, а я всё ещё

не нашёл ни его, ни ответов на то, почему он пропал здесь. Сколько ещё предстоит мне бродить по этой гнилой земле. Сколько ещё я смогу продержаться в этом месте. Я не знаю. Мысли о том, чтобы покинуть это место уже, кажется, навсегда ушли из моей головы. Никаким желанием не вернуть меня назад. Они просто исчезли. Забылись мной.

—

Вонь. Трупная вонь. Теперь она не опустошает желудок. Я здесь уже долго. Уже привык к зловонным ароматам. Человек. Человеческий труп. Он лежит на каменной глыбе. Лежит неестественно, странно. Его грудь разорвана до лопаток чьей-то мощной пастью. Видны следы зубов. Внутренние органы разодраны, они валяются, словно куча отходов. Зверь явно сделал это не из-за необходимости. Все органы, кости, мясо, всё, хоть и растерзанное, рядом с ним. Столп холодного пота. Дрожь. Неужели это он? Неужели я так долго шёл, чтобы найти его таким? Не успел. Не спас его. Лицо трупа изуродовано так сильно, что я вижу его пожелтевший череп. Я не знаю кто он. Не знаю, почему он здесь. Не знаю, кто мог бы сотворить с ним такое. Не хочу верить, что это он. Почему он молчит? Почему замолчал именно сейчас? Сейчас я хочу слышать его стон, хочу надеяться, что могу ещё найти его, спасти. Нет. Это не может быть он. Он бы смог защитить себя. Не дал бы себя разорвать. Не в этом месте. Хотя бы не

здесь. Я надеюсь, что это не он. Труп останется здесь гнить. Будет гнить вечно. В этом месте никто никого не хоронит. И я сам оставлю его нетронутым. Все, кто попал сюда, остаются навсегда. Все. Даже мёртвые.

Отчетливое видение ненадолго прервало мой путь. Снова этот силуэт. Небольшой женский силуэт. Она сражается с безумным зверем. Злым, яростным зверем. Пытается отбиваться. Пытается гордо и дерзко. Отвечает на его удары. Он не чувствует её атак. Не замечает их. В пылу схватки сверкают их глаза зелёными полосами угасающего, еле различимого света. Он атакует не прекращая. Терзает и ранит. Открывает куски. Ее силы почти на исходе. Злость и безумие зверя постепенно исчезают. Его ярость постепенно сменяется отреченностью. Он словно ничего уже не видит. Он равнодушен. Холоден ко всему. Он душил её. Она пытается отбиваться, пытается сделать ему больно. Пытается ранить его, сделать хоть что-то, что могло бы вернуть ему чувства. Пускай лишь злость и ненависть. Пускай пока лишь их. Они пробуждают в нем хоть что-то. Она пытается спасти его. Пытается, но он уже ничего не видит. Бесполезно. Он ничего не чувствует. Свет жизни в её глазах утихает. Медленно гаснет. Пустые, безучастные глаза зверя, не выражают ничего. Абсолютно ничего. Это страшнее. Он просто душил её. Без единого чувства, без единой эмоции внутри. Не обращает внимания даже на редкие слёзы, появляющиеся на её щеках. Он

не знает, почему это делает. Не знает, почему ничего не чувствует. Я помню этого зверя. Помню. Знаю его. Забывшийся зверь, не признающий своих инстинктов, не подчиняющийся им. Она пыталась обнять его, когда он напал, пыталась прижать к себе, что бы он забыл свою ярость. Это его не остановило. Каким отвратительным он стал. Каким мерзким стало его лицо. Злость и ненависть укрепились в нём. Он всё забыл. Он просто обезумел. Но разве виноват он в том, что забыл себя. Никто его в этом не обвинил. Даже она. Она просто хотела, чтобы он вспомнил. Он не вспомнил. Он не пытался вспомнить.

Она? Неужели она лежала там, на камне? Неужели это он так беспощадно растерзал её? Неужели он мог бы такое сделать с ней. Зверь, который раньше был её защитником. Неужели, он способен на такое. Как мог он так забытья. Как мог он забыть её. Она была для него всем. Что стало с её зверем? Что так его изменило? Что заставило загрызть того, кого он любил? Наверное, она бы ответила. Наверное, она знает. Возможно, хотя бы догадывается, может предположить. Но если там лежит действительно она... Нет, это не может быть она. Она не слабее этого зверя. Она не дала бы ему себя задушить. Я хочу найти её, хочу знать, что зверь не сделал этого. Хочу уйти отсюда, чтобы найти её. Его стон, гремящий с былой силой, прервал мысль о возвращении. Я закрываю уши, чтобы не слышать его. Хочу хотя бы ненадолго

предаться этой мысли. Хочу подумать о ком-то, кроме него. Разделить и понять чувства другого. Я знаю, что уши закрывать бесполезно. Он кричит не в уши.

Зверь. Тот самый зверь. Он здесь. Настоящий. Я обнаружил его, как только развеялось видение. Он лежит совсем один. Пытается подняться. Пытается и сразу падает. Он то скулит, то воет. Его взгляд по-прежнему отреченный, каким был в той схватке. Он не понимает, где он. Его лицо стало ещё уродливее. Он гниёт и разлагается. Гниёт, не в силах что-либо с этим сделать. Насколько же он мерзкий. Всё в нём отвращает меня с такой силой, что нет ни малейшего желания помочь ему, ни единой мысли об этом. Нет ни капли сострадания. Он сам виноват. Пускай теперь гниёт. Пусть расплачивается за всё. Он заслужил. Теперь он похож на грязную скотину, уже не способную нападать. Совсем не такой, как раньше. Не потому ли он срывался, цеплялся когтями и грыз её, каждый раз обнажая свежие раны, что хотел скрыть своё гниение и трупную плоть, висящую поверх скелета. Боялся, что в спокойном пребывании с ним, она заметит, как сильно он гниёт. Он получил то, чего добивался. Теперь она никогда не увидит его таким. Жалким и немощным, лежащим в грязи и покрытым гнойными язвами, под скальными камнями, которые он сам сюда притащил. Надеюсь, она сумела вырваться. Сумела убежать. Я уверен в этом. Измотанный, он даже не стал бы её преследовать. Он стоял на месте.

Остался один на один со своей слабостью. Остался гнить и разлагаться. Я уверен. Я очень хорошо его помню. Только этим всё могло закончиться. Я уверен. Сейчас я отчётливо их вспомнил. Пускай и она забудет своего зверя. Пускай её старые раны не напоминают ей о нём. Пусть он лежит здесь, укрытый туманом.

—

А может это и есть он? Неужели он даёт ответы? Ответы, которые заставляют остаться здесь. Ответы, которые не дают покинуть это место. Он хочет, чтобы я шёл за ним. Хочет, чтобы я шёл, не оборачиваясь. Хочет, чтобы не возвращался. А может он хочет меня запутать? Может хочет, чтобы я заблудился? Может и он с туманом заодно? Может он и есть туман? Может зовёт лишь для того, чтобы я потерялся. Хочет, чтобы я вечно блуждал в этом месте. Нет. Нет. Он не может так со мной поступить. Не может. Он сам здесь застрял. Потерялся в этом месте. Ему всего лишь нужна моя помощь. Он всего лишь хочет, чтобы я его нашёл. Его боль не может быть фальшивой. Его крик фальшивым быть не может. Его терзает это место, и я это чувствую. Я найду его. Я не поверну назад.

—

Снова эти тени. Женский силуэт, зверь. Да. Она убежала. Смогла выбраться из его когтистых лап. Он не идёт за ней. Стоит с пустыми глазами. Смотрит в никуда. Зелёные глаза. Те самые, что ничего не выражают. Те самые, пустые глаза. Он падает. Не понимает, что произошло. Он не может этого понять. Он всего лишь зверь, захлебывающийся своей яростью и кровью, сочащейся изо рта.

—

Мои ноги всё глубже проваливаются в грязь. Я чувствую топь болота. Да. Должно быть это болото. Вонь серы въедается в ноздри сильнее. Я пробираюсь. Прикладываю огромную силу, чтобы идти дальше. Иду сквозь это болото. Оно меня не остановит. Я не увязну в нём. Я смогу идти дальше. Смогу найти его. От усталости кружится голова. Я еле перебираю ноги. Глаза теряют фокус. Всё размыто. Я не могу различить ничего, даже своих ног. Разве что эта огромная гора. Прямо передо мной. Не даёт пройти. Нависает. Кто-то словно смотрит на меня с высоты этой горы. Кто-то очень важный. Может это он заставляет тело слабеть. Я падаю лицом в болото, не закрывая глаз. Глотаю густую воду, пытаюсь вдохнуть. Даже не пробую встать. Я слишком устал. Устал настолько, что готов прекратить свой путь здесь. Готов сгинуть в этом зловонном болоте. У меня уже нет сил идти. Я не хочу постоянно видеть тени тех, кого я уже видел прежде. Тех, ко-

го я знал. Не хотел бы вспоминать их, пока я здесь. Слишком сложно идти к нему и видеть их всех на пути. Слишком сложно его искать. Я устал. Я больше не хочу бороться. Не пошевелюсь. Отдамся этому мраку. Отдамся этой тьме. Так хорошо и спокойно. Все чувства забываются. Нет даже страха. Им на замену приходит чувство умиротворения. Я словно исполнил все свои планы. Я словно нашёл его.

Сильные пальцы крепко вонзились в моё плечо. Рывок. Мгновенный, резкий рывок. Он вырвал меня из трясины болота. Вырвал из тьмы в один момент. Это он. Я чувствую его руку. Ощущаю на себе его взгляд. Его пристальный взгляд. Все поганые чувства вернулись так же быстро. Как только он рванул, вернулись. Он словно встряхнул меня и пробудил их, спящих внутри. Я снова стою перед ним. Снова чувствую мощь исполина. Я знаю, чего он хочет. Чувствую. Хочет, чтобы я взглянул на него. Хочет, чтобы принял от него своё спасения. Нет, благодарность ему не нужна. Я боюсь смотреть в его глаза. Боюсь увидеть в них осуждение. Боюсь всё так же сильно. Страх сжимает лёгкие. Сердце стучит быстрее, словно содрогается при каждом ударе. Я должен посмотреть в его глаза. Я чувствую вину перед ним. Не знаю почему. Чувствую, что виноват. Он словно вырвал меня из того злого места. Я не ощущаю тумана, не чувствую вони. Но я до сих пор слышу его голос. Крик стал спокойнее. Мне показалось, что сейчас крик не рвёт ему глотку. Сейчас крик не

раздирает его душу. Неужели я должен посмотреть в его глаза! Неужели от этого будет спокойнее тому, кого я ищу. Если это так, я должен это сделать. Должен преодолеть страх.

Зелёные глаза. Добрые зелёные глаза. Мои добрые глаза. Я вижу себя в нём. Он не осуждает. Он не показывает своей власти. Не показывает презрения. В его добрых глазах только понимание и желание помочь. Нет, он уже не исполин, уже не кажется таким властным, как прежде. Его взгляд уже не давит на меня. Я не смотрю на него снизу вверх. Он стоит прямо передо мной. Он равный мне. Он не считает себя выше. Я сам себя обманывал. Сам навеял себе страх. Он лишь хочет помочь. Он уже помог. И я приму его помощь. Приму, как считаю нужным. Я должен идти дальше. Разве он вытащил меня из мерзкого болота, что бы я навсегда покинул это место! Разве он спас меня для того, чтобы я снова ушёл, а после вернулся и начал путь сначала в ещё большем отчаянии! Нет. Я продолжу идти. Он дал сил. Не только спас, но и позволил забыть страх. Дал почувствовать себя равным ему. Теперь я точно найду его. Он зовёт меня с прежней силой. Зовёт, но я чувствую, что в его крике что-то поменялось. Его крик, терзающий меня, словно стал немного легче. Он все ещё разрывает мою душу, но теперь в нём точно что-то поменялось. Или это лишь туман немного рассеялся на время? Возможно, это лишь туман.

Что я делаю здесь, в этом нескончаемом мраке? Почему не хочу уйти. Почему не возвращаюсь. Я бы мог забыть его. Я бы нашёл что-то, что заглушит его крик. Почему я до сих пор здесь? Там, откуда я пришёл, всё ненастоящее. Минутное. Нет ничего вечного. Ничего. Может здесь я ищу совсем не его? Может я ищу бесконечность. То, что нельзя разрушить. То, что не прекращается, не останавливается. Здесь всё застыло. Смешалось прошлое, настоящее и будущее. Здесь вечно всё. Всё останется здесь навсегда. Все останутся здесь навсегда.

—

Глаза. Глаза смотрят в мои. Внимательно смотрят. Смотрят внутрь меня. Словно хотят понять меня. Словно хотят полностью меня узнать. Узнать то, чего я и сам не знаю, или, возможно, когда-то забыл. Эти глаза не отрываются от моих. Я чувствую их интерес. Им интересно, почему я здесь. Интересно, что со мной. Я вижу в них недоумение. Я вижу, что они ничего не понимают. Я смотрю в свои глаза. Я хочу понять себя. Хочу понять, что именно заставило меня вернуться сюда. Хочу вспомнить, как в первый раз попал в это место, когда оно уже стало таким мрачным. Я смотрю в свои глаза и не вижу ответа. Я просто смотрю в них. Уже бездумно. Так долго я смотрел в них, что теперь вижу лишь пусто-

ту. Вижу только их опустошённость.

Я забыл почти всё. Забыл, как сюда попал. Забыл, что привело меня сюда. Забыл то, что нашёл здесь. Я себя ненавижу. Ненавижу за это. Я полностью забыл. Случайно я снова вырвал это из своей памяти. Я попытаюсь это все восстановить. Попытаюсь. Я хочу растерзать за это своё лицо. Сколь многое пропало. Сколь многое исчезло навсегда. Я ненавижу себя за это. Я готов убить себя. Всё то, что было так дорого. Память. Ты никогда не заслужишь моего прощения. Ты идиот. Если ты не вспомнишь, если не восстановишь всё то, что забыл, я задушу тебя. Задушу тебя сам. Забыл многое, о чем хотел тебе рассказать, забыл, по своей глупости. Урод. Я тебя ненавижу. Ненавижу тебя за всё. Ты. Ты всегда рушишь мои планы. Ты мне не нужен. Как бы я хотел избавиться от тебя, ублюдок. Волк ещё ближе. Я хочу убежать с ним. Хочу забыть этого идиота. Хочу убить его. Не зови меня. Никогда больше не зови. Я искал тебя, а ты просто ошибался. Ты делаешь так, что я забываю, где был, забываю, куда шёл. Я ненавижу тебя.

—

Вздых оторвал меня от мутного отражения в болоте. Я оглядываюсь. Замечаю вдали рыбака, стоящего на разбитом корабле и забрасывающего удочку, в надежде на улов. Его

корабль, обветшалый и поломанный, стоит далеко от болота. Человек на корабле пытается поймать рыбу, но здесь её нет и не может быть. Останки корабля утопают в грязи. Подходя ближе, я вглядываюсь в рыбака. Он напомнил мне старого друга, с которым мы когда-то хотели так же рыбачить с палубы несущегося по волнам корабля. Я со всех ног бегу к нему, пробираюсь сквозь дыру в трюме. Поднимаюсь по разваливающимся подо мной лестницам. Забегаю на палубу. Его нет. Он только что был здесь. Я отчётливо видел его, стоящего на корме. В надежде найти его снова, я замечаю рядом такой же прогнивший корабль. И ещё один. И ещё. Их здесь полно. Целое кладбище гниющих кораблей. Вот он. На мачте. Снова забрасывает. Я бегу к нему. Кричу, что бы он не уходил, что бы ждал меня там. Я врываюсь на следующий корабль, вижу его, сквозь дыру в корме, ускоряю бег. Он снова исчез, стоило мне подняться на мачту. Я снова окидываю взглядом корабля. Не могу найти его. Теперь его уже нет. Лишь останки забытых кораблей. Не чувствуется даже, слышимое до того, его тяжёлое дыхание. С высоты рея я вижу реку, совсем близко. За этим кладбищем. Я знаю, кто лежит там, на камнях. Знаю, чья грудь разорвана хищной пастью. Эти корабли навели меня на мысль об этом. Я хорошо знаю его. Он не смог идти дальше. Не смог продолжать путь, как эти корабли, так и не смогли выйти в плавание, оставшись гнить так близко у реки.

Лодка. Лодка, стоящая у воды, привлекла взор моих уставших глаз. Я увидел её, только когда подошёл почти вплотную. Только теперь могу её разглядеть. Только теперь вижу воду. Вода мутная, густая, словно грязь. Болотная вода. Но это река, я вижу, как течение несётся далеко вперёд. Я толкнул лодку на воду. Вёсел нет, нет ничего, что могло бы послужить веслом. Но разве нужны мне весла? Разве они нужны тут. У меня нет ни конечной точки, ни маршрута. Я сам не знаю, куда попаду. Сам не знаю, куда мне нужно попасть. Пусть это место само ведёт меня. Пусть его голос сам направляет лодку. Я надеюсь, он мне поможет, надеюсь не даст сбиться с пути. Пути, который прокладываю не я. По крайней мере не осознаю этого. Разве можно с него сбиться? Только я сел в лодку, как её понесло вперёд. Не быстро, почти незаметно. Я просто почувствовал движение. Я решил дать ногам отдохнуть от этого тяжёлого и долгого пути, протянул их к бимсу. На воде намного легче. Кажется, легче. Я хотя бы могу не прилагать никаких усилий. И кажется, я двигаюсь в верном направлении. Его стон становится немного спокойнее, будто он чувствует, что я уже рядом. Чувствует, что на этот раз не повернул обратно. Чувствует, что я иду за ним, что подбираюсь всё ближе. Это успокаивает меня, заставляет страх исчезнуть. Я уверен, что двигаюсь в правильном направлении. Это меня обнадеживает. Предаёт уверен-

ности в том, что я не зря вернулся в это место. Не зря оставил всех.

Голоса. Тихие, прожигающие уши, мерзкие голоса. Они бормочут мне. Бормочут сразу все. Все вместе. Я лежу в лодке, запрокинув голову назад. Смотрю вдаль, на скалы. Голоса хотят, чтобы я взглянул в мутную гладь воды. Дурманят мой разум. Заставляют невольно дрожать. Лживые голоса, доносящиеся из глубины. Я не могу довериться им. Не могу пересилить себя и посмотреть. Вернувшийся страх не даёт мне этого сделать. Я чувствую, как что-то вливается мне в ноги. Что-то высасывает из меня кровь, а вместе с тем и рассудок. С каждым мгновением я чувствую, что становлюсь всё безумнее. Чувствую, как звереют глаза, как расширяются мои зрачки, расходятся веки. Пиявки. Это пиявки присосались к моим ногам. Я чувствую их. Волна безумия бьёт от ног прямо в мою грудь. Страх, панический страх, с которым я ничего не могу сделать. Не могу себя перебороть. Не могу не поддаваться этому. Поглощающий всего меня страх.

В дали скал своим уже уставшим взором я замечаю среди мглы и мрака большие зелёные глаза. Я пытаюсь сконцентрировать взгляд, но глаза не слушаются, бегают из стороны в сторону. Веки хлопают, как оконные ставни при сильном ветре, пытающимся их сорвать. Лишь ненадолго я смог взять контроль над ними. Я ошибся. Это была пара глаз. Пара со-

всем одинаковых глаз. Исполин возвышается среди скал и держит на руках мальчика, ласково глядя его по светлой голове. Я слышу, что он, склонившись ближе, что-то говорит ему. Его речь ускользает от моих ушей, сливается с шумом ветра, разбушевавшегося на реке. Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на его голосе. "Ты долго бегал, сивенький". Его добрый хохот громом разражается в моих ушах, заставляя меня резко открыть глаза.

Башня. Краем глаза я замечаю огромной высоты башню. Лодка, которая несла меня по реке уже прибилась к берегу. Я с трудом перебираюсь через борт лодки. Мои ноги, поражённые пиявками, стали похожи на ноги мертвеца. Земля здесь высушена и истощена. Даже река не размывает и не насыщает её. Земля, совсем не такая, какую я видел прежде. Грязь не обволакивает пальцы, ступни не чувствуют слизистую жижу. Похожая на темницу башня, выглядит устрашающе. Тусклый свет на вершине, прямо из дыры, будто пробитой пушечным выстрелом, немного озаряет мрак вокруг. Здесь лишь башня и ничего больше, что могло бы привлечь внимание. Я грубым ударом плеча открываю дверь, замок которой уже, видимо, давно пришёл в негодность. Из последних сил вскарабкиваюсь на вершину по прочной каменной лестнице. Всё это прогнившее место я вижу с высоты башни. Вижу абсолютно всё, до самого края, до пустоты. Туман не мешает мне. Я дождусь его здесь. Я буду звать его, пока

он не придёт. Буду звать постоянно. Не утихну, не отчаюсь в нём, что бы ни случилось. Я знаю, что он найдёт меня здесь. Знаю, что придёт за мной. Он обязательно придёт. Найдёт в себе силы для меня, вспомнит обо мне. Я дождусь его здесь.

—

"Вытащи меня. Я сам его не вытащу."

—

КОНЕЦ